

УДК 130.122:32.019.51

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.3.054

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ КАТАСТРОФА

А.А. Ковалев*, Д.Т. Дзгоева**

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им проф. М.А. Бонч-Бруевича», г. Санкт-Петербург

**ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург

Рассматривается когнитивная война, разрушающая цивилизационные основания государственности. Показана история развития данного феномена, дано его определение, приведены основные отличительные особенности и характеристики, раскрыт инструментарий. Война нового поколения сочетает в себе разные способы противостояния и борьбы, при этом некинетические начинают преобладать над кинетическими, особенно когда в качестве объекта воздействия выступает сознание. Оперирование категорией «цивилизационная катастрофа» позволяет привести обоснованную аргументацию, которая доказывает, что когнитивная война становится приоритетным способом реализации сценариев падения локальных цивилизаций, в том числе российской. При этом неопознанность противника является ключевым условием успеха в когнитивной войне, а применяемые ими методы должны восприниматься не как атака, а как развитие в общем глобальном потоке. Так когнитивная война как цивилизационная катастрофа становится одним из приоритетных методов построения однополярного мира, управляемого «мировым правительством».

Ключевые слова: *противостояние, цивилизационные основания, инструменты когнитивной войны, сознание, мышление, ценности.*

Непрерывно трансформирующийся феномен войны в XXI в. перефокусировал внимание со значимости наличия материальных ресурсов, необходимых для достижения эффективных результатов в процессе межгосударственного противостояния, на умение конструировать реальность с помощью влияния на её восприятие и формировать заранее заданную систему смыслов. Физическая победа в настоящее время не имеет решающего значения, основополагающая роль переходит к развитию навыков управления процессами мышления, которые позволяют регулировать представления о прошлом (где ориентация на факты становится второстепенной), определять и навязывать сценарии возможного будущего, направлять массовые реакции и создавать новые схемы поведения. Развитие научного знания о проблеме когнитивного противостояния носит междисциплинарный характер и основывается на таких отраслях, как философия, психология и технологическое знание. Современная война в целом и её когнитивный компонент нуждаются в философском переосмыслении, в основу которого ляжет

анализ изменившейся природы войны, более не укладывающийся в рамки классических подходов.

Цель исследования – рассмотреть цивилизационные основания когнитивного противостояния, перерастающего в полноценную войну и приобретающего черты ложного закономерного развития нации и государства. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

1. Исследовать концепцию когнитивной войны, дать определение этому феномену и раскрыть его характеристики.
2. Рассмотреть когнитивную войну как перспективное направление будущих противостояний и изучить её инструментарий, позволяющий ей мимикрировать под поступательные и закономерные процессы развития и скрывать тем самым имеющиеся у неё признаки цивилизационной катастрофы.

Осмысление когнитивной войны подвигло авторов выйти за пределы имеющихся традиционных представлений о войне, поэтому в работе анализируется сочетание философских и технологических факторов, которые используются в процессе формирования механизмов влияния на мышление. При этом в когнитивной войне присутствует сложная конфигурация традиционных способов некинетического противоборства (например, различных манипуляций) и новейших цифровых методик, медийных технологий и методов построения алгоритмических моделей по управлению мыслительными процессами.

В настоящем исследовании применяется цивилизационный подход к изучению когнитивной войны. Именно с его помощью можно объяснить логику перехода от традиционной к тотальной и информационной войнам, после чего и сформировалась практика когнитивной войны, которая подразумевает под собой «борьбу за освоение различных видов ментальных и культурных пространств с целью их насыщения определёнными концепциями и смыслами. При этом речь идёт, прежде всего, об оказании воздействия на сознание массового реципиента при помощи различных технологий. Комбинирование этих технологий позволяет влиять на разные целевые аудитории с учётом их социолингвистических параметров и институциональных характеристик» [4, с. 41]. Таким образом, под когнитивной войной следует понимать межцивилизационное противостояние в принципиально новом, шестом пространстве – когнитивном (пять предыдущих пространств осваивались по мере развития военного дела, среди них суша, вода, воздух, космос, киберпространство), в котором сосредоточена борьба за сознание, смыслы, культурные и ментальные основы существования.

С позиции цивилизационного подхода каждая отдельная самостоятельная единица имеет собственные цивилизационные основания, которые определяют её уникальность во всех аспектах (в культуре, национальном менталитете, политическом режиме и т. д.). Под цивилизационными основаниями следует понимать «устойчивые культурные, религиозные, социальные и политические особенности, которые характеризуют общество как

цивилизацию» [8, с. 24]. Цивилизация строится и существует на таких основаниях, как сакральные элементы (исторически обусловленная общая идея религиозного характера), идентичность, хозяйственно-управленческие практики, особенности частной жизни (регулируемость семейно-брачных отношений и вопросы воспроизводства населения), историческая преемственность, аксиологическая обусловленность, система образования. И в настоящее время эти основания подвергаются пересмотру посредством когнитивных воздействий, низводящих международную роль цивилизаций [1].

Итак, ведущиеся уже несколько десятилетий споры о характере потенциально возможной Третьей мировой войны наглядно демонстрируют наличие нескольких весьма вероятных вариантов, среди которых – глобальное когнитивное противостояние. И если в предыдущие периоды военного противоборства когнитивные стратегии использовались избирательно в качестве вспомогательного к основным физическим манёврам средства, то в эпоху развития интернет-пространства и массовой цифровизации этот способ становится преобладающим. Это обстоятельство позволяет рассматривать когнитивную войну в качестве самостоятельного предмета научных исследований.

Определение категориального аппарата имеет важное значение, поэтому важно отличать когнитивную войну от других форм нефизического противостояния. В первую очередь, необходимо осознавать тотальный и поступательный разрушительный характер когнитивных воздействий, которые направлены на длительную перспективу, они не заметны в повседневной жизни, их может не осознавать не одно поколение, однако их последствия, имеющие необратимый характер, откладываются в культурной и ментальной основе нации. Таким образом, сочетание разных уровней научного знания на стыке философии, кибернетики, нейронаук, социальной психологии, лингвистики и возможностей искусственного интеллекта (ИИ) способствует оформлению новой военной парадигмы.

Концепция когнитивной войны зародилась на Западе [7]. Серьёзный вклад в изучение мышления и логики его формирования внесли А. Дамасио [10], Д. Канеман [11], А. Тверски [13] и другие представители когнитивных наук, которые изучали внешние способы воздействия на принимаемые решения и пришли к выводу, что мышление целенаправленно и не заметно для человека подвергается искажениям. В результате таких влияний формируются и закрепляются заранее заданные способы реагирования и варианты оценки происходящих событий.

Однако когнитивная война обнаруживает свои истоки ещё в древности, когда философская мысль уже была сосредоточена на раскрытии особенностей мышления и поисках способов влияния на него. Так, в период Античности умы философов занимали вопросы о происхождении феномена внушения, о возможностях мифологии, риторики и воспитательной работы в процессе создания необходимых условий для формирования убеждений, а также о возникновении стройной и связной картины мира. Новое время

отмечается переходом к рационализации познания и процессов мышления, когда факты и суждения приоритизируются, а возникающие сомнения и соперничающие позиции становятся условием и причиной обоснованности идей и взглядов. Тема важности изучения когнитивного влияния языка и в целом доминирующего дискурса начала подниматься в XX в., когда закрепились представления о том, что язык формирует границы мышления, а также оказывает непосредственное воздействие на смысловое восприятие и типы реагирования. Особое место в изучении когнитивного влияния, его возможностей и ограничений (в первую очередь, безусловно, этических) занимают исследования последних десятилетий. В частности, исследовательские направления, сосредоточенные в рамках философии техники и медиасреды, позволяют рассматривать потенциалы цифровых платформ, новейших механизмов поиска информации (например, алгоритмических), а также предпочтительные индивидуальные сценарии сбора данных. В настоящее время информация, являясь при этом избыточной, мобильной и разнонаправленной в своём смысловом значении, подаётся пользователям с помощью специально разработанной архитектуры коммуникационных платформ, благодаря которой формируется система навязчивого, но незаметного для человека управления логикой мышления, рассуждений и принятия решений.

Таким образом, имеющие место ещё в древности разные сценарии когнитивных влияний в настоящее время качественно изменили свой инструментарий. Так, среди инструментов когнитивного воздействия можно выделить разработку технологий Big Data, НЛП, систему таргетированной коммуникации, внедрение автоматизированного анализа текста, цифровые симуляции, информационно-образовательные цифровые механики, меметизацию смыслов (с помощью интернет-мемов) [6], манипуляцию коллективной памятью с целью создания возможных сценариев будущего (от утопичных до катастрофических) и пр. При этом важно отметить, что когнитивные воздействия под влиянием совокупности факторов в XXI в. трансформировались в войну с социально, политически и культурно значимыми последствиями. Среди этих важнейших факторов можно назвать разработку таких моделей когнитивного воздействия, благодаря которым появляется возможность чётко дифференцировать и учитывать культурные, возрастные, этнолингвистические и прочие различия, что практически стирает границы когнитивного влияния и делает его универсальным оружием глобального действия. Также значимым фактором является, в частности, расширение значимости цифрового пространства и развития применимости цифровой среды, с помощью которой происходит контролируемая фокусировка внимания, приоритетность новостей становится управляемой, а степень вовлечённости аудитории находится под контролем. Дополнительным фактором становится тотальный подрыв доверия во всех областях жизнедеятельности, что в корне дискредитирует основу социальной коммуникации [5]. Этому активно способствует распространение технологий deepfake, которые становятся возможными благодаря использованию

автоматизированного монтажа, различных симуляторов (мимики, голоса), неосознаваемых манипуляций с метаданными и т. д. А индивидуализированный подход к подаче материала и формируемый с его помощью так называемый информационный пузырь замыкает человека на одном варианте мыслительной активности с заранее заданными реакциями, изолируя тем самым от альтернативных сценариев.

Когнитивная война не идентична информационно-психологической войне, в которой целью становится слом воли противника к сопротивлению. В стратегиях когнитивного воздействия отсутствует стремление подчинить противника, подавив его дух борьбы и продемонстрировав собственное над ним превосходство, здесь принципиальным становится убеждение соперника, что борьбы нет вовсе, при дальнейшем наращивании её темпов. То есть так осуществляется внедрение в сознание оппонента и его перепрограммирование на самоликвидацию [9]. Это становится возможным благодаря идентификации и изучению цивилизационных оснований, подрыв и дискредитация которых обеспечит бескровную войну и неизбежное поражение противника. По справедливому заключению профессора-историка В.Э. Багдасаряна, «это уже будет не институциональный кризис, а гибель в своём цивилизационно-органическом смысле» [2, с. 13]. Таким образом, когнитивная война представляет собой цивилизационную катастрофу, под которой понимается подрыв культурно-исторических и прочих оснований существования локальных цивилизаций, ранее обеспечивающих их устойчивость и развитие.

Активная экспансионистская политика против России началась в послевоенный период, когда возник феномен под названием вестернизация. Однако в 1990-е гг., когда, казалось, Россия открылась прямому западному влиянию, стало очевидно, что у нас «другая анатомия» [12] и что таким способом российскую цивилизацию не уничтожить. По сути, вестернизация и прочие невоенные способы глобализовать Россию оказались неэффективными, вероятно, потому что все они были не просто неорганичны и слишком прямолинейны, но и в целом потому, что были идентифицированы и опознаны объектом воздействия. Именно поэтому следующим шагом либерального сообщества стало создание абсолютно неидентифицируемого противником оружия – когнитивного. Тем самым в XXI в. западно-российское противостояние не прекратилось по причине «другой анатомии», т. е. резистентности России к прямым либеральным влияниям, следующей целью стали цивилизационные основания российской государственности [3].

Итак, в сфере образования отмечается отчётливый «западный след», начиная с добровольного реформирования сначала среднего (ЕГЭ), а потом и высшего образования (бакалавриат/магистратура) по западному образцу. И если на этих уровнях некоторое отрезвление произошло на фоне ухудшения отношений с Западом с 2022 г., то российская наука (все её отрасли) по-прежнему зависима от зарубежного признания, в частности, от

журналов, в которых при этом труды российских учёных отказываются публиковать по признаку принадлежности к России.

Говоря о дискредитации истории как одного из цивилизационных оснований российской государственности, важно отметить, что в последние годы этот патологический процесс основывается не только на попытках исказить или скрыть исторические факты, но и на переформулировании выводов и уроков истории, исходящих из них. Например, реабилитация фашизма в Европе и на Украине в настоящее время дискредитирует важнейшие итоги всего XX в. Или заявление о том, что СССР помог США победить во Второй мировой войне, низводит подвиг советского народа до простой помощи, тем самым подрывая основы коллективной памяти и национальной идентичности. В результате россияне не могут выстраивать чёткие причинно-следственные связи и потому не осознают историческую обусловленность происходящих в настоящее время событий, кульминирующих все прошлые периоды западно-российского соперничества.

Подобная политика проводится и в отношении российских традиционных ценностей, среди которых институт семьи и брака. В настоящее время он переживает упадок. При этом прежний опыт был дискредитирован, однако новый опыт (в частности, ЛГБТ¹ и прочие неприемлемые практики) не получил массового одобрения среди россиян. Тем самым в этой сфере в последнее время образовался некий вакуум, не заполненный новой приемлемой моделью.

Когнитивная война имеет основной целью не физическое уничтожение и даже не прямую демонстрацию сопернику своего культурного и иного превосходства, а создание социального хаоса и внесения неопределённости без демонстрации своего прямого участия в этих деструктивных процессах. В когнитивной войне необходимо оставаться неопознанным для противника, но при этом активно вмешиваться во все важнейшие сферы его бытия. Желаемая цель – снижение уровня доверия ко всем источникам информации для создания атмосферы подозрительности, иррациональности, социальной напряжённости, которая будет только усугубляться за счёт невозможности сверить получаемую информацию с каким-либо надёжным источником, поскольку его попросту нет (или он дискредитирован). В таких условиях даже экспертное знание не будет иметь авторитетности, поскольку лидерами общественного мнения нередко становятся наиболее качественно и быстро освоившие популярные интернет-площадки люди, зачастую вовсе без специального образования, но желающие высказаться на ту или иную сложную социально-политическую тему.

Для общества когнитивные войны несут угрозу возникновения аксиологического нигилизма, который характеризуется оспариванием незыблемости национальных ценностей, традиций и социальных норм, которые

¹ Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ.

заложены в цивилизационные основания. В результате они начинают обсуждаться, подвергаться сомнению или вовсе демонстративно нарушаться, так запускается дискредитация процесса их адаптации к современным реалиям, фактически заменяя его их осуждением и отменой. Устойчивая картина мира в таких обстоятельствах распадается, а на её месте возникает мозаичная, неустойчивая, конформистская модель, которая нарушает принципы возникновения и функционирования традиционных форм групповой принадлежности. В результате в обществе не может сложиться национальная долгосрочная модель развития, разобщённость усиливается, а единство общественного сознания нарушается.

Таким образом, можно заключить, что локальные цивилизации, среди которых и российская, не вписываются в новый глобальный порядок, конструируемый западным миром. При этом открыто об экспансионистских намерениях не заявляется, официальный мотив всех предполагаемых изменений – усиление международного контроля за счёт уменьшения полномочий цивилизаций и создание так называемого мирового правительства, которое, безусловно, возглавит Запад. Добровольного согласия цивилизаций здесь не предусматривается, очевидно, что его не последует, сокрушительная война против подавляемых международных акторов также исключается, поэтому оптимальным решением в таких условиях оказывается использование инструментария когнитивной войны.

Дальнейшее изучение темы когнитивных войн является весьма актуальным и перспективным, поскольку практика в данном направлении обогащается довольно быстро. Проведение последующих исследований должно носить междисциплинарный характер и опираться на знания философии, социологии, медиалогии, нейронаук, психологии, культурологии. В контексте исследования настоящей темы особое значение приобретает когнитивная безопасность, в которой важное место занимает поиск и разработка новых способов коллективного противостояния когнитивным атакам, среди них – самостоятельное создание национального будущего без искажений и ложных ожиданий, внедрение актуальных способов интеллектуального сопротивления, ориентированность на сохранение культурно-языковой и конфессиональной принадлежности, поддержание основ общенациональной идентичности и ряд других.

Список литературы

1. Асонов Н.В. Цивилизационные основы российской государственности // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 7–15.
2. Багдасарян В.Э. Когнитивное оружие как инструмент подавления национальных творческих потенциалов // Развитие личности. 2016. № 1. С. 10–40.
3. Гончаренко А.Р. Концепция когнитивной войны: подготовка НАТО к конфликтам будущего // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 31–45. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-1-31-45.

4. Гусейнова И.А., Решетников К.Ю. Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 37–45.
5. Ершов В.Н., Груздев В.В. Доверие как ключевой объект управления при ведении когнитивных войн // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29. № 4. С. 28–36.
6. Серебряков Ю.И., Бойко С.В., Тамп Н.В., Баскаев С.Р. Военная меметика – часть когнитивной войны // Научная мысль. 2021. Т. 18. № 4-1 (42). С. 60–63.
7. Сучков А.В. Западная концепция когнитивной войны // Научная мысль. 2024. Т. 1. № 1-1 (50). С. 24–30.
8. Черныш М.Ф. Цивилизационные основания общества и социальная структура. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 34 с.
9. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2013. 470 с.
10. Damasio A. Self comes to mind Constructing the conscious brain. New York: Vintage books, 2012. 398 p.
11. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow Paperback. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
12. Sachs J.D. What Went Wrong in Russia // New Perspectives Quarterly. 2008. Vol. 16 (1). P. 31-32. DOI:10.1111/0893-7850.1981999198.
13. Tversky A., Kahneman D. The Framing of decisions and the psychology of choice // Science. New Series 1981. Jan. 30. Vol. 211. No. 4481. P. 453–458.

COGNITIVE WARFARE AS A CIVILIZATIONAL CATASTROPHE

A.A. Kovalev*, D.T. Dzgoeva**

*Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications,
St. Petersburg

** The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, St. Petersburg

The article examines cognitive warfare, which destroys the civilizational foundations of statehood. The history of the development of this phenomenon is shown, its definition is given, the main distinguishing features and characteristics are given, and the tools are disclosed. The war of the new generation combines different ways of confrontation and struggle, while non-kinetic ones begin to prevail over kinetic ones, especially when consciousness acts as the object of influence. Using the category of «civilizational catastrophe» allows us to provide a well-founded argument that proves that cognitive warfare is becoming a priority way to implement scenarios of the fall of local civilizations, including the Russian one. At the same time, the enemy's unidentification is a key condition for success in cognitive warfare, and the methods they use should be perceived not as an attack, but as a development in the general global flow. Thus, cognitive warfare as a civilizational catastrophe becomes one of the

priority methods for building a unipolar world governed by a «world government».

Keywords: *confrontation, civilizational foundations, tools of cognitive warfare, consciousness, thinking, values.*

Об авторах:

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических наук ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича», г. Санкт-Петербург. E-mail: kovalev.aa@sut.ru

ДЗГОЕВА Диана Таймуразовна – кандидат политических наук, доцент кафедры ГМУ Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург. E-mail: Dzgoeva-dt@ranepa.ru

Authors information:

KOVALEV Andrey Andreevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Political Sciences, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg. E-mail: kovalev.aa@sut.ru

DZGOEVA Diana Taimurazovna – PhD (Political Science), Associate Professor of the Department of GMU, North-Western Institute of Management – branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg. E-mail: Dzgoeva-dt@ranepa.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2025.